18+

Дара Преображенская

ВОИН ХРАМА «ЗОЛОТОЙ ДРАКОН». ЧАСТЬ 2

Дара Преображенская

Воин храма «Золотой Дракон». Часть 2

«Издательские решения»

Преображенская Д.

Воин храма «Золотой Дракон». Часть 2 / Д. Преображенская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-565921-7

(2 части: 1 — «Вечность», 2 — «Провидение»)Главный герой — китайский юноша и воин Ли Нюань. Он рассказывает о своей жизни на Земле, читатель также сталкивается с посмертным опытом героя. Он встречается со своим учителем, который даёт ему уроки знания и мудрости. Это учение тонко вплетено в художественное повествование, рассказанное от имени главного героя.

ISBN 978-5-00-565921-7

© Преображенская Д.
© Издательские решения

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ 6
ЧАСТЬ 1 «Цель» 7
ЧАСТЬ 2 «Дух» 8
БУДНИЧНА И ПРОСТА 9
ЧАСТЬ 1 10
«ЦЕЛЬ» 10
Глава 1 11
«Странник» 11
Глава 2 19
«Шао-линь» 19
Притча о старом ленивце 26
Глава 3 28
«Мудрость» 28
Рисунок в келье настоятеля Суня 31
Глава 4 36
«Жизнь в Шао-лине» 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Воин храма «Золотой Дракон». Часть 2
Дара Преображенская

© Дара Преображенская, 2022
ISBN 978-5-0056-5921-7 (т. 2)
ISBN 978-5-0056-5919-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1 «Цель»

**Глава 1. «Странник» – — – — – —

ЧАСТЬ 2 «Дух»

**Глава 7. «Побережье» – — – — – —

БУДНИЧНА И ПРОСТА

КАК КРЕСТЬЯНИН В ПРОПИТАННОЙ ПОТОМ ОДЕЖДЕ. ТЕБЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО РАЗОЧАРОВАНИЕ БОЛЕЗНЕННО, НЕТ, ОНО БОЛЕЗНЕННЕЕ В ТЯСЯЧУ РАЗ». (НЕИЗВЕСТНЫЙ).

ЧАСТЬ 1

«ЦЕЛЬ»

Глава 1

«Странник»

«Подчинись своему Провидению,
И тогда найдёшь своё счастье».
(Восточный мудрец).
……

……Несмотря на то, что я всё время говорил о династии Чин, на самом деле в то время царствовала династия Мин. Это после ухода династии Мин, в Китай пришла династия Цзин, что в переводе означает «золотой».

Но почему же тогда я говорил тебе о династии «Чин»? Для западных людей мы, китайцы, носим название «чин». Например, англичане называют мою страну «China». Когда-то в Америке людей из Северных штатов называли «янки». Поэтому я говорил тебе о династии «Чин», хотя к власти пришла династия Мин.

В то время, когда монах Су-вэй покинул меня, на троне в Пекине сидел император Чжу-Ицзюнь, он носил храмовое имя Шэньцзун. Да, после рождения ребёнка в Китае каждому человеку даётся два имени:

– Имя по отцу;

– Храмовое имя.

Храмовое имя нужно для того, чтобы боги узнали душу человека после его смерти.

Годы правления Чжу-Ицзюня в Китае называются «бесчисленными годами». Дело в том, что это было самое долгое правление по сравнению с предыдущими и последующими императорами.

Вся история Китая базируется на преходящих и уходящих династиях. Каждая династия олицетворяла собой власть и силу. Несмотря на притеснение простого народа, Китай постепенно развивался, пока не достиг процветания. В Китае успешно развивались науки и искусство, а также промышленность и сельское хозяйство.

Первый император Юй был героем, который отважно сражался с наводнениями. Он восстановил покой в Поднебесной. А затем царствовала династия Шан.

Перечисление династий ни о чём тебе не скажет, однако об этом знает почти каждый китаец.

Император Чжу сделал многое для Китая в начале своего правления. Но затем он перестал управлять, закрывшись в своих покоях.

Доходили слухи о том, что император Чжу употреблял одурманивающие средства, чтобы «улучшить» свой контакт с Небом. Он связался с одним колдуном, который раскрыл его энергетические центры, вот почему ходили в народе слухи о том, что император способен видеть будущее. Во всяком случае, этот человек сыграл не очень положительную роль в судьбе императора.

Учитывая то, что он взошёл на трон в 9-летнем возрасте, император внутренне был ещё недостаточно крепок и устойчив, чтобы противостоять влиянию своего подданного, владеющего магией.

Были ли он подданным – ещё вопрос, ведь маг не принадлежит никому и ничему, если он, конечно, не нарушает законов Вселенной, которые мне ещё предстояло постичь.

Увы, к концу жизни император низко пал, несмотря на три выигранные войны, отразившие атаки монголов, а также победы в Манчжурии.

Я знал, хотя подобная информация не носит обширный характер, что у императора были три официальные жены: Ван, Чжэн и Ли. Хотя самой главной считалась Ван, ибо она принадлежала к богатому аристократическому роду и имела большую власть во дворце. Кроме официальных жён император владел многочисленным гаремом.

Я вспомнил Гунь-Лу, одну из принцесс гарема, и мне стало неловко. Большинство жён и наложниц для императора набиралось из отдалённых провинций. Эти девушки вообще могли не иметь хорошего происхождения, главное, чтобы они были ослепительно красивы, как Гунь- Лу.

Я вспомнил улыбку принцессы на празднике Будды, почувствовав, как моё сердце чаще забилось, наподобие загнанного зайца. Я пообещал себе, что обязательно проникну во дворец к императору – сыну Поднебесной, чтобы увидеть принцессу.

Если бы я знал тогда, насколько дерзким было моё желание! Любовь мне не должна была помешать в выполнении моей миссии. Я очнулся от своего сна, посмотрел на восток за реку, где должен был располагаться дворец Императора, затем сжал своего золотого дракона. Перстень с хризолитом был подарен мне настоятелем монастыря Чонгом. Грани камня сверкнули в лучах солнца зеленоватыми отсветами.

Я вспомнил об исчезновении моего проводника, монаха Су-вэя; вспомнил о своём ночном видении.

Учитель Цинь, которого я очень любил и который успел стать для меня ближе отца, ушёл в мир предков или тот уровень, откуда начинают восхождение все учителя и хорошие люди? Я не знал многого об этом мире, и уже нет Мастера Циня, кто бы мне объяснил, что так тревожит меня.

Меня волновало моё будущее, ведь отныне я стал странником, а затем должен буду стать целителем, а значит, мне нужно прочесть много книг, изучить фармакопею, знать все лекарственные травы, какие существовали в Китае.

Я вспомнил об Учителе Сингхе, которого я должен был найти; да, я должен был его разыскать, но где?

Этого я не знал.

Я посмотрел на небо, под которым находилась страна Поднебесной, и начал молиться, развернул свитки, подаренные мне настоятелем Чонгом. Четыре мантры укрепили меня, я почувствовал себя более уверенным, чем был. Несомненно, в этих мантрах заключалась какая-то сила, неведомая мне.

Я сделал упражнения, которые каждый день проделывал в стенах монастыря «Золотой Дракон».

Что-то подсказывало мне, что я не должен был медлить с выбором Дороги Судьбы, я должен был торопиться.

Но с чего начать свой путь, этого я не знал, теряясь в догадках и неизвестности.

Для начала я решил пойти в Шаолиньский монастырь, возможно, там монахи знали, где искать Учителя Сингха.

Это было всего лишь моё предположение, но почему-то мне тогда казалось, что оно было верным.

К сожалению, ни учитель Ноу, ни Мастер Цинь даже не намекнули мне того, где находился этот загадочный чужеземец. Да, он был чужеземцем, об этом говорило его имя. И всё же, я был в полной растерянности насчёт своего будущего. Сердце моё разрывалось на части. С одной стороны, я хотел во дворец императора, чтобы увидеть принцессу Гунь-Лу. Вряд ли она запомнила юного ученика-монаха из монастыря Золотой Дракон на том празднике, когда колесница с Гунь-Лу проезжала мимо толпы народа. Принцесса кидала в толпу золотые монеты, и люди подхватывали их на лету. Некоторые из зевак собирали монеты прямо с земли.

Народ любил свою принцессу, хотя она была одна из многих наложниц, живших в то время во дворце императора.

С другой стороны, моё сердце стремилось получить знания от учителя-индуса. Не случайно же в детстве я выбрал два предмета: свиток и оружие. Точно так же, спустя столько лет моё сознание раздваивалось.

Я выбрал второе, привыкший во всём следовать учителям монастыря.

Я проделал свои привычные утренние упражнения, которым обучили меня монахи. «Прыжок леопарда» завершил мой утренний моцион. В этот раз я немного не рассчитал с энергией мысли, поэтому оказался на довольно далёком расстоянии от своего вещь-мешка.

Мне пришлось возвратиться за ним обратно, чтобы немного подкрепиться перед дальней дорогой.

Это были пресные лепёшки, испечённые на кухне монастыря умелыми руками Каоминя – нашего повара. Его простые блюда были особенно вкусны, потому что он вкладывал в их приготовление всю свою душу. Лепёшки ещё сохранили тепло печи, они были очень тщательно упакованы. Я обязательно выпил немного зелёного чая.

В нашем монастыре посвящённые монахи умели пить чай по всем правилам и канонам искусства чаепития. Помню, и я однажды удостоился подобной церемонии по приглашению Мастера Циня. В нашей семье тоже практиковалось искусство чаепития, но я был ещё слишком мал, чтобы участвовать в подобных мероприятиях. По такому случаю отец приглашал всех своих знакомых, а служанки Мон и Чо участвовали в самой церемонии, которой руководила либо мама, обученная когда-то в женском монастыре всем тонкостям, либо приглашённая из храма жрица.

Церемонией чаепития, как правило, руководили женщины, но в монастыре этим занимались исключительно монахи, прошедшие все три ступени ученичества и познавшие «посвящение».

Помню, Мастер Цинь подмигнул мне, передавая чашку с чаем, и спросил:

– Почему же ты так растерян, Ли?

Я пожал плечами и ответил, несмотря на то, что вокруг было много людей. Это была специальная зала для чаепитий, существовавшая всегда в монастыре. На этот раз она была украшена какими-то мелкими статуэтками, потому что праздновался день рождения Будды. Не все отмечают этот день в Китае, но в нашем монастыре придерживались традиций буддизма.

Я ответил:

– Я не знаком с церемонией. Мне кажется, нет никакой разницы, если ты пьёшь чай один или с соблюдением всех правил и предписаний.

– Нет разницы? Тогда выпей эту чашку, и ты поймёшь, почему китайцы так ценят чайную церемонию.

Я сделал несколько глотков.

Живительная волна обожгла сначала моё горло, затем поселилась где-то внутри живота. Там стало тепло, уютно, будто, это был вовсе не живот со всеми внутренностями, а лениво лежавший на печке кот. Не хватало лишь убаюкивающего мурлыканья. Я почувствовал, как волны энергии растеклись по всему моему телу, подобно проводам.

Вкус чая также существенно отличался от привычного мне.

Чайная церемония – это своеобразная медитация, в течение которой нужно сохранять высокий уровень осознанности. Чай – вот хозяин этой церемонии, который должен вызывать различные ассоциации. Погружать человека в прошлое, настраивать на будущее.

В тот день я впервые ощутил способность чая сделать это, его энергетику. Мастер Цинь вновь подмигнул мне и улыбнулся:

– Ну как, Ли. Чувствуешь настоящий вкус чая?

Я кивнул.

– Что скажешь? – продолжал допытываться мой учитель.

У меня не было слов.

– Попробуй помедитировать, настройся на энергетический канал этого прекрасного напитка. Попробуй понять, что на самом деле тебе хочет сообщить чай. Поверь мне, Ли, ты будешь удивлён.

Я закрыл глаза, ощутил запах чая. Вдруг я увидел себя маленьким мальчиком на берегу Жёлтой Реки Хуанхе, когда мы с отцом переплавлялись через неё на плоту. В тот день отец вёз на рынок в самом Пекине фарфор, который он хотел продать, чтобы получить за него хороший куш. Но случился сильный дождь, расстроивший все наши планы, до рынка мы так и не дошли, пришлось вернуться обратно. Я увидел, как быстро прибывает дождь, а затем вдруг моё сознание переключилось на то, как над Хуанхэ встало полуденное солнце, капли стали редкими, река уже перестала так пузыриться и вздуваться, как в самом начале. На небе возникла огромная радуга. Словно, Будда слал нам свой привет.

Мне показалось, что я увидел эту радугу на дне своей чашки.

Я был сильно удивлён, широко раскрытыми глазами посмотрел на Мастера Циня.

– Что с тобой, Ли?

– Ничего.

– Я знаю, ты увидел что-то очень памятное тебе. Запомни, Ли, порой воспоминания вовсе не такие, какими они кажутся нам изначально. За каждым из них стоит нечто большее, чем наше отношения к происходящему. За каждым из них стоит кусочек красоты этого мира, который мы не замечаем. Поверь, Ли, в монастыре периодически проводятся чайные церемонии. Это делается для того, чтобы монахи научились медитировать, погружаясь в происходящее вокруг, а чай – всего лишь посредник этого процесса. Не только зелёный, но и чёрный, и жёлтый, и красный чай несут в себе нечто особенное.

– Что же они несут в себе? – спросил я.

– Поверь мне, сынок, у тебя ещё будет возможность узнать это. Никогда не отказывайся от чайной церемонии, потому что чай даёт тебе возможность успокоить твой ум. Только лишь со спокойным умом воин может стать непобедимым.

…Действительно, в нашем монастыре проводились чайные церемонии с использованием почти всех видов чая. Каждый из них давал свой заряд, свою силу и наводил на свои мысли.

Но больше всего я полюбил зелёный чай, он был близок мне по духу. Я допил чашку. Зелёного чая у меня было мало. В дорогу по распоряжению настоятеля Чонга мне дали прессованный чёрный чай. Он долго хранился, и хватало его также надолго. Задача путника заключалась в умении отломить небольшой кусочек и залить кипятком.

Я подумал о своём учителе, о его неожиданном уходе из мира живых, и мне стало очень грустно на душе: грустно и одиноко.

Почему нужно обязательно искать чужеземца, почему я не мог всю жизнь прожить в стенах монастыря подле Учителя? Ответ на свой вопрос я не получил, поняв, что мне нужно двигаться дальше.

Становилось холодно, ветер усиливался. Я должен был идти на юг в провинцию Хэнань, где и располагался монастырь Шао-линь. Помню, в наш монастырь иногда приходили монахи из Шао-линя, чтобы поделиться своим опытом и перенять опыт других. Между настоятелем нашего монастыря и настоятелем Шао-линя велась активная переписка, почту доставляли сами монахи.

Однажды и мне давали поручение передать письмо от нашего настоятеля настоятелю Шао-линя, но это было несколько лет назад, когда я был ещё ребёнком. Я знал, что я вновь вернусь в стены своего монастыря, чтобы продолжить привычную жизнь ученика.

Теперь же я не знал, что мне делать, как жить дальше. Я, словно, был на перепутье судьбы.

Случалось ли тебе быть на таком перепутье, когда ты не знаешь, как повернётся твоя Дорога жизни? Ты ждёшь в смятении, какой же выбор сделать. И всё равно тебе известно о том, что когда-нибудь эта Дорога Жизни завершится. Всё, что ты волен сделать – это лишь выбирать.

Проходя мимо какой-то сверкающей на солнце речки, являющейся мелким притоком Хуан-хэ, я невольно вспомнил дорогую своему сердцу Луцзян, которая столько лет сопровождала меня по жизни своим приветливым и спокойным созерцанием. Река – это символ дороги жизни, дороги судьбы. Она течёт через многие препятствия и пороги, всё равно оставаясь рекой. Так и мы, люди, несмотря на множество разочарований и перипетий судьбы, продолжаем жить, а затем завершаем свой земной путь.

Я помню, как умылся в реке и посмотрел вперёд. Передо мной раскинулась холмистая местность. Я не знал, в какую сторону двигаться, чтобы достичь провинции Хэнань, где и располагался Шао-линьский монастырь. Слышала ли ты что-нибудь об этом удивительном монастыре? Я уверен, что слышала.

Прошло много с тех пор, как я лишился своего прошлого тела, и до вас, жителей эпохи информатизации дошли отдельные обрывки Великой Истории Китая.

На самом деле ты знаешь очень немногое из того, что было ведомо мне по праву моего рождения.

Таких монастырей, как, Шао-линь, в Китае в моё время существовало несколько, но многие из них были разрушены неумолимым и беспощадным временем. Такова Судьба.

Монастырь Золотого Дракона по статусу был выше, чем Шао-линь, это затем спустя века Шао-линь возвысился над другими и укрепился.

В таких монастырях готовили настоящих воинов. Нам также было ведомо искусство целительства, ибо война и болезни существуют рука об руку друг с другом. Однако, я чувствовал, мои познания были ещё недостаточно обширными. Мне предстояло учиться и совершенствоваться дальше…..

Сам монастырь расположен на горе Сунь-шань. На самом деле из этой горы вырастает пять вершин, вот почему энергетика этого места особенная. Это ощутил и почувствовал великий основатель Шао-линя Бодхидхарма, которого называли Дамо.

Философия Бодхидхармы не возникла из пустоты; любая философия, как учил меня Мастер Цинь, должна несомненно базироваться на какой-то платформе. Ничего не возникает из пустоты, хотя в Пустоту возвращается.

– Что такое «пустота»? – спросил я однажды своего учителя.

Он, как обычно, улыбнулся мне.

– Сынок, пустоты не бывает на самом деле. Это люди с их недалёкими взглядами считают, что есть НИЧТО. Ничто – не совсем верное слово. Есть НЕЧТО. Ты меня понимаешь, Линюань?

Я мотнул головой:

– Не совсем.

– Что же здесь непонятного, Ли? Жизнь не заканчивается со смертью тела. Разве не этому я учил тебя столько лет?

– Этому, – согласился я, – просто, всё так сложно устроено.

– На самом деле простота в сложности и сложность в простоте. Это так естественно. Пустота – это НЕЧТО, это – твой дух, твоё высшее я, твоя сила, которая одна имеет значение, потому что ничего нет более ценного. Дух неделим, а человек всё привык делить, именно поэтому тебе так сложно понять меня.

Я понял, хотя окончательное понимание пришло позже.

…..Я набрёл на небольшую деревеньку, которая встретилась на моём пути. Увидев моё одеяние, местные жители кланялись мне, принимая за монаха, кем я и являлся на самом деле.

Я напросился ночевать к одному одинокому старику, который с большой охотой пустил меня к себе на ночлег, потому что ему было одиноко и тоскливо одному. Старика звали Ни-ценем, ему было около семидесяти лет. А кожа на его худом высохшем от времени лице напоминала сливу «умебози», которую используют китайские лекари.

Ни-цень заварил чай и, дуя на него, сказал:

– Недавно мимо проезжал обоз императора, направляющийся в Пекин.

– Обоз Императора? – недоумевая, спросил я.

– Да, они везли дорогие сорта чая из провинции Сэ-чуань. Этот чай имеет жёлтый цвет. Говорят, это очень ценный чай.

– В чём же его ценность? – спросил я.

– Когда его наливаешь, он начинает отражаться от дна чашки всеми цветами радуги.

– Вы видели это?

– Нет, мне рассказывал один человек, который служил когда-то во дворце Императора. Он говорил, что жёлтый чай ценен тем, что он дарует молодость и бессмертие, если его регулярно заваривать и пить. Разве ты никогда не видел принцесс и жену Императора? Они хорошо выглядят, потому что пьют эликсир молодости.

Я вспомнил лицо принцессы Гунь-Лу и был готов поверить словам старика. Она действительно была прекрасна.

– А как его достать, этот эликсир?

Ни-цень начал испуганно озираться по сторонам.

– Забудь об этом. Тому, кто испробует эликсир молодости помимо Императора и его жён, грозит смертная казнь. Человеку отрубают руки и ноги и оставляют так умирать медленной смертью. Таков указ Императора.

«Неужели эликсир молодости» действительно существует?» – подумал я.

В подтверждении моих мыслей Ни-цень встряхнул головой и сказал:

– Не думай об этом напитке. Это принесёт тебе несчастье.

Своими рассказами гостеприимный хозяин так сильно заинтересовал меня, что я поклялся себе в том, что непременно попробую этот загадочный жёлтый чай, который дарит молодость и долголетие.

Мастер Цинь ничего не рассказывал мне об этом.

– Куда же ты держишь путь? – спросил меня Ни-цень, когда ужин подошёл к концу.

Я пожал плечами:

– Я ищу одного человека, которого совсем не знаю, где искать.

– Как его имя?

– Учитель Сингх.

– Учитель Сингх…..Видать, он – чужеземец.

Я кивнул:

– Да. Он индус.

– Извини за любопытство старика. Зачем юному монаху-китайцу нужен индус?

– Говорят, он многое знает и является хорошим целителем.

При слове «целитель» глаза Ни-ценя загорелись.

– Целитель мне бы сейчас не помешал.

– Почему Вы так говорите? – поинтересовался я.

– Я уже стар, и моё тело мучает множество болезней, я хотел бы от них избавиться, но не знаю, как это сделать. Хороших лекарей мало, а если они и встречаются, то очень дорого берут.

Я улыбнулся и с сочувствием посмотрел в лицо старого Ни-ценя, отблески огня от печи отражались задорными искорками на его коже, приобретавшей тепловатый отсвет.

– Я обещаю Вам, что когда постигну медицину, обязательно вернусь сюда и вылечу Вас.

Ни-цень снова снисходительно улыбнулся:

– А ты уверен, мой мальчик, что я тогда буду жив?

– Я не вправе говорить такие вещи.

– Я слышал, монахи обладают даром ясновидения. Если ты можешь увидеть мою судьбу, скажи мне об этом.

– К сожалению, а, может быть, и к счастью, я не обладаю таким даром. Но некоторые монахи из нашего монастыря могли предсказывать будущее.

– Из какого же ты монастыря? – впервые поинтересовался Ни-цень.

– Золотой Дракон.

– Я слышал о нём, говорят, там многому учат, и попасть туда простому смертному довольно сложно.

– Но я же – простой смертный, – возразил я.

Ни-цень как-то грустно посмотрел на меня.

– Все мы – простые смертные, – сказал он.

– А Вы бы хотели получить дар бессмертия? – спросил я.

– Хотел бы. Но им обладают лишь избранные, и я слышал о том, что они из того монастыря, откуда ты.

Я мысленно перебрал по памяти всех учителей, преподавателей и монахов. Но так и не смог понять того, кто же из них обладал даром бессмертия.

Во всяком случае, мне никто ничего об этом не говорил. Об этом было непринято распространяться.

Неужели, Мастер Цинь…..я мысленно представил себе его лицо. Я до конца так никогда и не узнал, сколько ему лет, потому что выглядел он всегда довольно молодо. Некоторая желтизна на лице не бросалась в глаза, потому что обычно она присуща всем китайцам от рождения. Несмотря на отсутствие здорового румянца у других монахов, у моего учителя он был всегда. Чуть прищуренный взгляд, будто, он изучал мои мысли…. На самом деле он знал их всегда.

– О чём же ты задумался? – спросил меня Ни-цень, тем самым вырвав из забытья.

Я встряхнул головой, возвращаясь в окружающую меня реальность.

– Зачем Вам бессмертие? – спросил я у хозяина дома.

– Ну как зачем? Я перестану болеть и страдать.

Это Вам только кажется.

– Почему же?

Вы будете жить, зная, что Ваши близкие, родные, друзья, давно умерли. Разве это – не тяжёлое испытание для человека и его духа?

Хозяин дома закивал:

– Да-да, я согласен с тобой. Моя жена умерла три года назад, а я живу до сих пор, и каждый день без неё мне кажется мукой.

– Так Вы слышали что-нибудь об Учителе Сингхе?

– Нет, не слышал, – признался Ни-цень.

– Тогда мне нужно идти в Шао-линь. Возможно, там знают и укажут мне путь.

– Шао-линь….Мой брат когда-то служил в Шао-лине, а затем его призвали в войска Императора.

– Но я даже не знаю, в какую сторону мне идти.

– Тебе нужно на юг, дойти до небольшого городка Чжанчжоу, я покажу тебе завтра, а теперь уже поздно. Нужно укладываться спать.

Действительно, за окном показалась полная луна.

Полнолуние – время великих свершений и открытий, так учили в монастыре. Именно в этот период монахи старались преподать нам, ученикам, основные идеи учения.

Я согласился с гостеприимным хозяином дома, съел ещё одну тарелку бобов с бамбуком, чтобы подкрепиться, и стал укладываться на ночлег.

Обычно монахи никогда не едят на ночь, но я был в пути, и мне требовались силы, я не знал, сколько времени продлится ещё мой казавшийся нескончаемым тогда путь….

Глава 2

«Шао-линь»

«Благородный муж не стремится есть досыта
И жить богато.
Он поспешает в делах,
Но медлит в речах.
Общаясь с людьми добродетельными,
Он исправляет себя».
(Конфуций).
……

……Чжанчжоу – совсем небольшой городок, я походил по его мощёным улочкам, заглянул в лавки, а затем решил пойти на рынок, но в тот день он был переполнен народом. От меня никто не шарахался, хотя зрелище молодого монаха в мантии оранжевого цвета было непривычным для людей.

Монахи тоже наведываются на местные рынки, ведь наша жизнь зависит от цивилизации, но обычно мы ходим группами во главе со старшим монахом, ответственным за хозяйственные дела в монастыре или тем, кому старший монах поручил что-либо купить.

Монастыри существовали и существуют благодаря благотворительности людей, а также из-за поддержки Императора. В общем, Китаю выгодно, чтобы его жители были приверженцами буддизма, потому что своими обрядами и обещаниями чего-то «заоблачного», например, богатства, положения в обществе, словом, всего того, что так притягательно для обывателей, буддисты, в частности, монастыри, пополняют свою казну.

Если бы наши монастыри существовали только лишь исключительно из-за веры, к которой люди изначально не очень-то склонны, для духовного развития, они стали бы бедными.

Духовное развитие также не привлекает обывателей, хотя, как учили нас в монастыре, именно оно является целью всего, ради чего следует жить и развиваться.

Люди стремятся к обогащению, а духовное развитие может дать лишь рост духа.

Поэтому наши обряды являются приманкой для обычных людей, к коим также относится Император, Сын Поднебесной, его семья и все чиновники при дворе. Император уже достиг всего, он избран богами, чтобы править и принимать поклонение смертных, его больше интересует загробная жизнь, поэтому двор тратит большие средства для поддержания храмовой культуры. То, что посвящённые монахи владеют большими способностями, держалось в секрете, чтобы не выдать тайн посвящённых, не предназначенных для ума простых людей.

Поэтому в народе считались слухи о той власти, которой пользуются в монастырях, мифами, выдумками, легендами. Я говорю о власти магии. Да, в монастырях учат магии, но лишь особых монахов, прошедших определённые испытания. Не все проходят эти испытания.

Возможно, ты слышала о том, что в других религиях ученики, желающие пройти посвящение, получают эти испытания, но я расскажу тебе о том случае, который знаю сам.

Как ты поняла, в монастыре Золотого Дракона есть три ступени ученичества и несколько ступеней монашества. Прошедший все эти ступени, становится посвящённым, и может иметь учеников, если ему это по судьбе. Он также может стать воином, целителем, или жить просто при монастыре, как послушник, или уйти в горы в качестве отшельника. Таких тоже было немало, правда, отшельничество – довольно трудный путь, и не каждый готов был к такому пути.

Я, например, не был готов, хотя знал некоторых монахов, которые уходили в горы и постигали там великие истины.

Посвящённых выбирали сами учителя, которые были убеждены в том, что тот или иной монах или ученик пройдёт процесс посвящения.

Но однажды Мэнь – один из монахов первой ступени, носивший жёлтую мантию, напросился у Мастера Циня пройти посвящение. Мастер сначала отказал Мэню, но Мэнь настаивал на своём.

– Ты не сможешь пройти посвящение, Мэнь, – сказал Мастер Цинь.

– Смогу.

Монах был непреклонен.

– А если тебе придётся уйти в мир предков? Даже тогда ты желаешь пройти это посвящение? – спросил Мастер Цинь.

– Даже тогда.

Посвящение заключалось в том, что монах должен был провести несколько дней в пещере с энергетическими зеркалами. Но посвящаемый не знал об этом. Прошло три дня, а это был именно тот срок, в течение которого проходилось посвящение, в монастыре ничего не было слышно про монаха Мэня.

Тогда группа монахов решила идти на поиски Мэня; они думали, что или с монахом что-то случилось, или он, не выдержав до конца своего испытания, ушёл в лес, постыдившись возвращаться обратно в монастырь.

Мэнь был мёртв. Он лежал посреди одного из пространств пещеры заряженным энергетическими зеркалами. Смерть Мэня явилась потрясением для всех, кто пришёл тогда в пещеру.

Лицо Мэня было напряжённым, что говорило о том, что монах был не готов к смерти, и, возможно, долго мучился.

История с Мэнем позволила мне многое понять и осознать.

Знал ли Мастер Цинь о возможной смерти Мэня, когда монах просил его о посвящении?

Я уверен, что знал, но ему пришлось пойти на поводу у монаха, чтобы тот прошёл урок.

Да, иногда мы проходим уроки жизни такими жестокими методами. Я уверен также, что дух Мэня усвоил этот урок навсегда ценой собственной жизни.

Нельзя перескакивать через несколько ступеней развития и игнорировать мнение Учителя.

В китайцах боги изначально заложили большую способность к торговым делам и разного рода сделкам. Мы последовательны в своих действиях и экономно тратим силы, вот почему учение любого китайского философа, будь то Лао-цзы, Конфуций, учение Дао и дзэн-философия строятся на способности духа рассчитывать свои силы, чтобы принять то или иное решение.

Великие истины Будде пришли при помощи созерцания, а не спешки.

Я двигался по рынку от одного лотка к другому. Меня удивляла и была непривычна вся эта спешка, которая царила вокруг меня. Люди много суетились, делали бесполезные движения, не приносящие им ничего кроме усталости.

В монастыре жизнь текла слишком медленно и размеренно. Нас приучали к созерцанию. Новичкам порою к этому было трудно привыкнуть.

Недаром последнее посвящение в монахи заключалось в умении созерцать и растворяться во всём. Если бы я попал в твой мир, я был бы удивлён ещё больше, потому что ритм современных тебе людей намного выше, чем тех, которые жили в моё время.

«Спешка порождает суету, суета даёт начало ярости», – так говорили мои учителя из монастыря. Я удивлялся тому, как люди вокруг меня быстро покупали товары, в принципе, для жизни не имеющие никакого значения. У меня было всё с собой, что и должен был иметь

в дороге странствующий монах. А разве в обычной жизни мы все «не странствующие монахи»? Один продавец украшений как-то загадочно подмигнул мне и произнёс на южном диалекте:

– Что Вас интересует, юноша? Может быть, эти кулоны с изображением улыбающегося Хоттэя?

Я мотнул головой.

– Что же тогда Вы хотите узнать?

– Вы ничего не слышали о человеке по имени Сингх? – задал я свой вопрос, сам удивившись ему.

– Это, верно, чужеземец, – сказал торговец, – нет, я ничего не слышал.

– Жаль, – я с сожалением вздохнул и пошёл дальше, продираясь между рядов торговцев.

Я не помню, сколько было времени, когда я покинул стены Чжан-чжоу и направился дальше на юг в сторону горы Су-шань. Я был голоден, моё тело еле двигалось, но я знал, что должен достичь пределов Шао-линя.

Я встал, когда, наконец, Шао-линь показался вдалеке на горе.

Я съел немного риса, который был со мной; рис дал мне Као-минь. Вспоминая тёплые руки монаха-повара, я почувствовал, что насытился.

Живя в монастыре «Золотой Дракон», я ни разу не испытал таких неудобств, как эти, когда я ещё готовился к основным испытаниям, многие монахи уже испытали голод, холод, боль; они специально подвергали себя подобным испытаниям, чтобы их дух стал крепче и выносливее.

Однажды я просил об этом своего Учителя.

– Испытания? Ли, разве ты хочешь уже в таком возрасте пройти серьёзные испытания?

Я кивнул:

– Да, хочу.

Помню, как Мастер Цинь внимательно посмотрел в мои глаза:

– Неужели, хочешь, Ли?

Я не выдержал его испытующего взгляда.

– Разве ты не помнишь монаха Мэня?

– Помню.

– И всё равно хочешь испытаний? По-моему, сынок, ты прошёл их здесь уже достаточно, ведь монастырскую жизнь нельзя назвать лёгкой, как жизнь мирянина.

Я не знал, что ответить.

– Поверь мне, сынок, когда ты вырастешь, на твою долю ещё выпадут настоящие испытания.

Я промолчал.

И сейчас, идя в монастырь Шао-линь, я понял, насколько прав был мой Учитель, когда говорил всё это.

Мои испытания по-видимому, начались с того времени, когда Мастер Цинь перешёл Грань. Он всегда был мне за отца, опекал меня, хотя этого я не замечал раньше.

«Поверь мне, мой мальчик, когда-нибудь приходит время, когда ты начинаешь взрослеть», – внезапно возникла мысль в моей голове.

На самом деле это была не просто мысль, а голос моего Учителя, который я ещё не привык слышать через пространство и время. Но это был именно он.

Да, кажется, я начинал взрослеть, потому что испытания стали намного серьёзнее, чем раньше.

….Стал накрапывать мелкий дождь, холодало, я весь продрог до костей, поэтому мне пришлось набросить накидку на плечи, но теплее от этого не стало.

Я проделал несколько дыхательных упражнений, которым меня обучили в монастыре, чтобы согреться.

Я действительно согрелся, так как эти упражнения способствуют убыстрению движения крови по телу. Я так согрелся, что даже почувствовал, что вспотел.

Величественные башни и пагоды Шао-линя издалека вдруг показались мне какими-то торжественными и полными величия.

Я знал, что основателем Шао-линя был Бодхидхарма – выходец из Индии. Он называл себя Дамо и пришёл в Китай для того, чтобы обучать монахов своей философии. Дамо пришёл не на пустошь, а уже в построенный монастырь в начале III века даосскими монахами.

Учение Дамо заключалось в принципе самопознания. «Каждый человек является потенциальным Буддой, – говорил он, – необходимо лишь пробудить его в себе».

В монастыре Золотого Дракона мы знакомились с различными философскими школами и учениями. Ближе всего мне было учение дао, которое говорило о том, что ничего не возникает и не появляется из пустоты, у каждой причины есть следствие, а у следствий – причины.

Дао всех ближе стоит к теории созерцательности, наблюдения за внешними проявлениями этого мира.

Монахи дао всегда отличались спокойствием, молчаливостью, они не боролись за своё место под солнцем, они не вступали ни с кем в споры, чтобы сохранять внутреннее спокойствие.

Учение дао говорит о том, что одно состояние не может долго оставаться стабильным, оно изменяется в другое, противоположное ему: ночь переходит в день, зима превращается в лето, а лето в зиму; инь становится ян, а ян – инь.

Монахи дао производят впечатление безобидных людей, на самом деле внутренне они очень сильны.

Именно внутреннее состояние важнее внешнего, хотя оба должны находиться в равновесии друг с другом.

И тем не менее, именно для монахов дао кроме доброты и созерцательности характерна строгая дисциплина.

Весь промокший насквозь я остановился возле самих стен монастыря и постучал в ворота.

Никто не открыл мне, тогда я повторил вторую попытку. В течение некоторого времени вокруг меня всё было тихо, затем вышел привратник – молодой худосочный монах в шафранной мантии.

У него была узкая клином бородка и внимательный взгляд, который, казалось, улавливал малейшие детали, замечал всё, что происходило вокруг него.

– Кто ты? Что тебе нужно? – коротко спросил привратник.

Я назвал своё имя и объяснил, что иду из провинции Сэчу-ань, где находится наш монастырь Золотого Дракона.

– Я попал под ливень и нуждаюсь в ночлеге.

Привратник ещё раз внимательно осмотрел мой жалкий внешний вид. Я не производил впечатление смиренного послушника. Привратник скрылся за дверью, а мне пришлось ждать, хотя я не понимал, чего именно. Или меня пропустят внутрь, или я буду вынужден провести ночь под открытым небом. Чего я очень боялся, потому что дождь постепенно становился всё сильнее и сильнее.

Не знаю, сколько мне пришлось так ждать, когда я увидел, что дверь ворот вновь открылась, и оттуда вышел знакомый привратник.

Он подошёл ко мне и сказал:

– В монастырь Шао-линя не проходят чужаки. Мы не знаем, кто ты и откуда. Следуй своим путём, юноша.

Когда за ним закрылась эта заветная дверь, я был в полном отчаянии. Несколько раз я постучался в дверь и изо всех сил закричал:

– Откройте! Разве монастырь не является убежищем для одиноких путников! Я – монах из монастыря Золотого Дракона, вы должны знать нашего настоятеля, г-на Чонга!

Но сколько бы я не кричал, не стучался в дверь ворот, ответ оставался нулевым. Я сел под дерево, одиноко стоявшее на поле на подступе к горе Су-шань. Оно было таким же одиноким и брошенным на произвол судьбы, как и я, Ли-нюань, ни воин, ни целитель, никто…

Я взмолился, мысленно обращаясь к своему Учителю.

«Что же мне делать? Куда идти? Где искать этого загадочного учителя Сингха, к которому Вы направили меня? Может быть, мне направиться во дворец Императора и стать его самым лучшим и прославленным воином? Но тогда я не выполню своего предназначения, или сделаю то, к чему совсем не склонна моя душа. Я не хочу почестей, не жажду власти, а стать прославленным воином предусматривает то, что я должен буду готов всё это получить, как и познать дворцовые интриги и силу золота».

Я сел под дерево, которое хоть немного могло защитить меня от ливня и подумал: «А, может быть, Великий Будда когда-то точно так же, как и я теперь, сел под дерево и познал Истину? Может быть, он сидел так и в дождь, и в слякоть, и в солнечные дни, и медитировал, чтобы однажды дать миру своё учение?»

Я сам удивился тому, что меня волновали эти вопросы в то время, как раньше я никогда не задумывался над такими вещами. Проситься обратно в стены монастыря было бесполезно, я смирился со своим положением. Это – не задача интуиции, а ума – объяснять и просчитывать возможности, решения, вспомнив о том, что святой Бодхидхарма провёл в медитации 9 лет возле стен монастыря, подавая тем самым пример остальным монахам.

Нередко некоторые монахи так и попадали в стены монастырей, и я слышал об этом.

Учение дао кроме созерцательности базируется ещё и на интуиции, хотя, как ты понимаешь, интуиция следует из созерцательности и наоборот. Вновь одно вытекает из другого. Гексаграммы «и-цзин» – лишь символическое изображение процессов, происходящих в космосе и во вселенной.

……Я не помнил, сколько времени я провёл так под дождём, словно, древний Бодхидхарма совсем не замечал падающего на его голову снега.

Интуиция подсказывала мне, что нельзя уходить от стен Шао-линя, что я несомненно получу нечто важное здесь. Но что? Это я не знал.

Интуиция даёт нам правильные решения, но она не объясняет, почему мы должны выбирать те или иные пути, чтобы в итоге оказаться в выигрышном для себя положении. Это – не задача интуиции, а ума просчитывать возможные решения. Дамо говорил: «Достигнуть Будды можно лишь длительными упражнениями не только духа, но и всего тела». Тело и дух равны по силе, и только равное их положение даст «Будду».

Ты часто слышишь такие слова: «Если дух здоров, то и тело здорово». Или наоборот: «В здоровом теле здоровый дух». На самом деле ничего нельзя умалять и придавать чему-то второстепенное значение. Об этом мне говорили Мастер Цинь и учитель Ноу. Этого же взгляда придерживается учение дао.

Так я сидел под деревом и размышлял.

Вечером к моему удивлению двери монастыря вновь открылись, и ко мне спустился всё тот же привратник в шафрановой мантии. Ничего не говоря, не подавая своего голоса, юный монах поставил передо мной миску с какой-то похлёбкой и удалился в монастырь. Дождь утих, но всё ещё накрапывал.

Когда ты несколько часов просидишь под сплошным ливнем, то умеренный дождь, последующий после этого, ты воспринимаешь, как благо, а не как наказание. Я совсем не замечал его. Да и к чему всё это, если цель ускользала от меня. К чему мне жизнь, когда я не могу воплотить в неё то, что мне дано? Лучше умереть, чем много лет исполнять не предназначенные тебе обязанности.

По памяти я прочёл несколько мантр, которые помнил и которым был обучен в монастыре «Золотой Дракон», а затем приступил к почти уже остывшей похлёбке.

В тот миг она показалась мне безвкусной, хотя еда монахов не отличается никогда особым разнообразием. Похлёбка представляла собой смесь бамбуковых ростков и сои с какими-то приправами.

Китайцы приучены разбираться в приправах и соусах, потому что они придают дополнительный огонь телу. Без огня тело становится вялым и инертным. Огонь не позволяет микробам развиваться внутри, и это продлевает жизнь.

Я помню, в моей деревне на берегу Лу-цзян умирало много соседей, у которых вздувался кишечник. Позже эта болезнь получила название «дизентерия», а в сущности её название ни о чём не говорит. Важно, что внутри кишечника развиваются вредные микроорганизмы, являющиеся убийцами.

Поэтому приправы очень важны на столе любого китайца, который хочет прожить долго, так как пища быстро портится, утрачивая огонь, который изначально должна была отдавать телу.

Съев похлёбку, я подумал, что дверь монастыря снова раскроется, и загадочный привратник в шафранной мантии придёт за мной, чтобы позвать внутрь отогреться.

Но этого не произошло, моя надежда оказалась напрасной.

– А если надежда оказывается напрасной? – однажды спросил я у Мастера Циня.

– Всё равно продолжай надеяться, но только не отрывайся окончательно от земли, чтобы остался хоть какой-нибудь, пусть даже узкий мост между твоей надеждой и землёй.

– Мост? – удивился я, не поняв сначала, что имел в виду мой учитель, – а для чего он нужен, этот мост?

– Чтобы соединить между собой Небеса и Землю, Ли, – ответил Мастер Цинь, – когда они соединены, тогда твоя мечта осуществится.

Мастер Цинь был мудрым, всё, что мне оставалось делать – это цепляться за его мудрость и не терять надежду.

– Я не потеряю, не потеряю, – уверенно сказал я в пространство, будто, ответил своему учителю, – и всё равно буду верить в то, что найду учителя Сингха!

Вместо ответа я услышал шум ветра. Это листья на дереве зашелестели под его порывом. Со стороны я мог показаться сумасшедшим, но мне было совсем не важно это. Важно то, что в тот момент я понял, что Учитель Цинь поддерживал меня внутри моего мудрого сердца…..

Утром монах вынес мне завтрак, состоявший из двух горстей риса; мои запасы уже закончились, поэтому мне ничего не оставалось, как скромно принять этот дар.

Рис тоже не принёс мне особого насыщения, да и вряд ли ты можешь насытиться, когда весь промок до нитки. Я ел только, чтобы не потерять свои силы. Ночью я смотрел на звёзды и думал о том, что же произошло в монастыре «Золотого Дракона» после моего ухода из него? Как Учитель ушёл в Страну Вечности? Или он принял яд, который, возможно, носил с собой? Нет, вряд ли он бы пошёл на такой шаг, ведь Учитель мудр, а самоубийство – это акт истязания себя, что вызывает уже само по себе напряжение в пространстве.

Вселенная счастлива, когда счастлив каждый дух, населяющий её. С каждым из нас что-то происходит. Вот почему несчастье – это болезнь, передающаяся от одного к другому, ибо на самом деле всё в этом мире взаимосвязано друг с другом.

Ночью облака над горой Су-шань немного рассеялись, и звёзды стали видны ещё ярче.

Я знаю, что в твоей вере самоубийство считается грехом. В моей вере это грехом не считается, потому что каждый человек рассматривается с позиций свободной воли, свободного выбора. Если он решил уйти, значит, таков его выбор. Японским самураям ничего не стоит покинуть этот мир, ведь каждый китаец, японец – представитель жёлтой расы, принявший буд-

дизм, знает, что материальное существование – лишь временное пребывание духа в его ограниченном состоянии.

«Почему ограниченном?» – спросишь ты.

А разве твой дух не скован телом, вынужденном страдать, вести борьбу за существование, куда-то бегать, хотя в этом беге нет никакого реального смысла? Духу изначально присущи Покой и Созерцательность, которые исчезают после того, как ты получаешь тело.

Тебе, будто бы, выдали ненужный кредит, с которым ты не знаешь, что делать, но понимаешь точно, что отныне твоя спокойная жизнь полностью закончилась.

Я пытался понять, каким образом Мастер Цинь оставил своё тело, но так ничего не смог осознать. Я поклялся себе, что обязательно разузнаю, что произошло в монастыре в моё отсутствие. А затем я увидел белый свет, мне стало как-то легко, свободно и беззаботно, будто, я был ленивым котом на печи.

Да, я сравнивал своё состояние полной безмятежности именно с состоянием кота. Коты – довольно умные создания, склонные, скорее, за всем наблюдать со стороны чем ввязываться в происходящее.

При монастыре у нас было множество таких котов, одного из которых я запомнил. Его звали Чи-хэнь, что в переводе с древнего языка означает «наблюдательность». Мне кажется, мы с ним даже подружились; кот дарил мне свою ласку, позволяя гладить себя по бархатистой шёрстке, а я таскал для него из монастырской кухни молоко, сметану и всякую снедь, до которой Чи-хэнь был особенно охоч.

Белый свет был не слепящим, но я мог ясно видеть его, он был живым; я ничего не делал такого я просто растворялся в этом свете, дышал им, при этом совсем не чувствуя собственного тела. Я не ощущал холода, от которого совсем недавно не знал, куда деться.

Кажется, я стал засыпать и вспомнил одну притчу, рассказанную мне Мастером Цинем.

Притча о старом ленивце

Жил однажды в Китае человек, который очень много и упорно работал. Он садил рис, бамбук, затем ухаживал за всходами, содержал двух яков. Несмотря на упорный труд, уровень его жизни оставался средним.

И вот однажды один из его гостей, знавший, как тяжела жизнь этого человека, посочувствовал ему и подарил волшебные пилюли. Когда человек выпивал эти пилюли, то он расслаблялся, и ему становилось всё равно, что вокруг него. Почув-

ствовав блаженное умиротворение, человек так расслабился, что закрылся в своём доме, веля своим слугам лишь приносить еду в положенное время.

Так он пролежал день, два, месяц, год. Хозяйство его пришло в запустение, а человека всё равно ничего не волновало кроме своего спокойствия.

Но однажды волшебные пилюли закончились, и человек вышел из своего ступора. Он был крайне удивлён и возмущён.

– Кто так распоряжался моим хозяйством! – воскликнул человек, – когда я отсутствовал.

– Ты сам, – ответило ему его сердце.

……

…… – В чём смысл этой притчи? – спросил я Мастера Циня.

– Не нужно ни в чём переусердствовать, и идти срединным путём, иногда расслабляясь, а иногда напрягаясь, чтобы чего-то достичь. Всему своё время, мой мальчик, – ответил Учитель.

Глава 3

«Мудрость»

«Человек при рождении нежен и слаб,
при смерти – твёрд и крепок,
Все вещи и растения при рождении нежны и слабы,
а при смерти тверды и крепки.
Твёрдое и крепкое – это то, что погибает.
Нежное и слабое – это то, что начинает жить…
Сильное и могущественное
не имеют того преимущества,
какое есть у нежного и слабого».
(Лао-цзы, китайский мудрец).

……Кажется, я потерял сознание, провалившись в глубокий сон.

Очнулся я не скоро, во всяком случае ощущение времени стёрлось. Может быть, прошло всего одно мгновение, может быть, день или два, или несколько дней. Сон рассеялся, когда кто-то слегка прикоснулся к моему плечу. До этого момента я видел себя на вершине горы Сушань, но только вокруг неё располагался не Шао-линьский монастырь, а монастырь Золотого Дракона.

Я видел, как я спустился с горы и вошёл в храм, где проводились богослужения. Вокруг в огромной зале курились благовония, создавая голубоватый дымок. Я пригляделся и увидел, что на богослужении присутствовали все преподаватели, с которыми мне довелось встретиться в течение своей жизни в монастыре.

Я видел серьёзное лицо учителя Ноу и сосредоточенное торжественное г-на Чонга – настоятеля монастыря. Они все молились, сложив ладони вместе. Но среди них я не увидел моего Учителя и одновременно друга Мастера Циня.

– Где же Мастер Цинь? – спросил я у учителя Ноу.

– Он ушёл, – спокойно ответил мой Наставник по боевым искусствам.

– Вы его похоронили?

– Нет, мой мальчик, – произнёс Учитель Ноу, – Мастер Цинь является Посвящённым, а Посвящённые уходят тогда, когда сочтут нужным, они не умирают.

– Как не умирают, – был обескуражен я.

– Посвящённые растворяют себя в пространстве. Каждый атом их физического тела находится под контролем их сознания. Поверь мне, это не под силу обычному смертному. В своё время твой учитель прошёл слишком много испытаний, прежде чем получить Посвящение.

Дальше всё куда-то ушло, я увидел перед собой того самого монаха-привратника с острой бородкой, который два раза приносил мне еду, когда я сидел под деревом возле монастыря Шао-линь. Он улыбался, хотя мне совсем тогда было не до смеха.

Я не мог понять, то ли я видел сон, то ли отделился от своего физического тела и отправился в свой монастырь, чтобы всё узнать о произошедших в нём событиях. А если это именно так, значит, я постиг ещё одну грань – отделение от своего физического тела и путешествие в мирах. Некоторых монахов этому учат специально.

– Меня зовут Ка-о-мин, – представился улыбающийся молодой монах с острой бородкой.

– Почему ты улыбаешься, Ка-о-мин? – спросил я. Я вспомнил, что точно так же звали нашего повара из монастыря Золотой Дракон.

– Потому что никогда раньше я не видел таких дураков, как ты, которые сидят двое суток под деревом в проливной дождь, подражая тем самым Великому Будде.

– А где я сейчас нахожусь?

– Конечно, внутри монастыря Шао-линь. Ты задаёшь глупые вопросы.

Ка-о-мин снисходительно посмотрел на меня:

– Впрочем, ты потерял много сил, и тебе нужно восстановиться, прежде чем ты встретишься с нашим настоятелем.

– Ваш настоятель сам хочет встретиться со мной? – удивился я.

Монах кивнул:

– Конечно, ведь ты – тот самый монах, которому удалось сделать «прыжок леопарда».

– А откуда ты знаешь? – удивление моё росло с каждым разом всё сильнее и сильнее.

Ка-о-мин пожал плечами:

– Странно, ведь во всём Китае таких, как ты, совсем немного, а отличные воины ценятся Императором. Почему же ты до сих пор не в его армии?

– Потому что у меня другой путь, – ответил я просто без обиняков.

– О каком пути ты говоришь? – спросил привратник.

– О пути философии и целительства.

– Вместо получения славы и почестей? Вместо возможности стать богатым?

– Да.

Ка-о-мин развёл руками:

– Воистину, странен и непонятен ум человеческий.

Затем он ушёл.

Помещение, в котором я находился было почти квадратным с белыми стенами и единственным окном. Через него можно было наблюдать всё, что происходило в окрестностях Шаолиня. Но меня в тот момент это мало привлекало. Я действительно был вымотан и ослаблен долгой дорогой и сидением под дождём. Моё тело требовало восстановления. В печи трещал огонь, поэтому в моей квадратной комнате было тепло и уютно. Я протянул руки к огню, чтобы согреться. Всё это время я лежал на очень толстой циновке, укрытый прочным одеялом. Я хотел расслабиться, уснуть, но в этот момент дверь моей комнаты раскрылась, и передо мной возник полноватый лысый человек невысокого роста, одетый так же, как и остальные монахи в шафранного цвета мантию. Он протянул мне миску с горячей похлёбкой.

– Настоятель распорядился кормить тебя, – сказал толстый человечек на чисто южном наречии.

Действительно, еду мне стали приносить чаще, хоть она и не отличалась тем разнообразием, как в мирской жизни. Но я привык. Из узкого оконца своей кельи я мог видеть, как тренировались монахи, они проделывали разнообразные упражнения, но среди них я не видел хотя бы одного монаха, кто бы мог сделать «Прыжок леопарда». Воистину, как оказалось на практике, «прыжок» был неподвластен для многих.

Моя жизнь текла размеренно, я был предоставлен самому себе, и всё же, меня почему-то не покидало ощущение того, что за мной пристально наблюдают. Кто это был, я не знал. Может, это были обычные монахи, а, возможно, и сам настоятель, встреча с которым мне ещё предстояла.

Ка-о-мин больше не пытался заговорить со мной, выполняя свои обычные обязанности привратника. Являлась ли подобная жизнь комфортной для меня? Я не привык к такому, но мне ничего не оставалось, как просто смириться.

Утром я читал мантры те, которые знал раньше и те, которые настоятель Чонг дал мне в свитках. Затем я проделывал упражнения, молился. Я был лишён общения, хоть для монаха это неважно, и всё же, мне было довольно непривычно.

Настал тот день, когда дверь моей кельи, наконец, раскрылась, и на пороге возник обыденный Ка-о-мин. Обычно привратник приходил три раза в день, чтобы принести мне еду, уносил опустошённую посуду толстый человечек, являющийся поваром в монастыре, который так сильно напоминал мне смеющегося Хоттэя. Он всегда справлялся о моём самочувствии, и мне было очень приятно. Приятно, потому что я не забыт, что я ещё кому-то нужен в этом мире.

– Ложная гордость, – как-то сказал мой учитель Мастер Цинь, определив моё состояние в этих двух ёмких словах. В то время я пребывал в состоянии депрессии, так как Китай был так погружён в дожди, и у меня не было возможности навестить своих родителей. Тогда я ощущал себя никому не нужным, заброшенным существом.

– Почему «ложная гордость»? – спросил я в ответ у Учителя.

Он улыбнулся мне:

– Послушай, Ли, тебе кажется, что ты – один в мире, хотя на самом деле это – всего лишь иллюзия, потому что ты не один. Мир в тебе и ты с миром. Мир отражает твои собственные мысли, и с тобой происходят те события, о которых ты даже не думаешь, потому что это твоё подсознание. Ты думаешь, что если тебе сейчас грустно, то и миру вокруг тебя тоже должно быть грустно. Нет, это не так. Мир подстраивается под твоё желание грустить, вот поэтому ты видишь вокруг себя мрачные блеклые цвета. Но стоит тебе улыбнуться, как всколыхнётся множество миров, и через некоторое время тебя захлестнёт радость.

Слова Мастера Циня заинтересовали меня тогда, потому что он говорил о тех вещах, о которых я не знал.

С родными я так и не увиделся, но обещал себе, что обязательно навещу их в будущем. Будущее растянулось на многие года. Я даже не мог себе представить, как живёт мой друг детства Кэнь. Как сложилась его дальнейшая жизнь?

Может быть, он уже женился, и сейчас окружён многочисленным семейством? Или одинок и ведёт хозяйство?

В этот раз визит Ка-о-мина был незапланированным. Время для еды ещё не подходило. Я с удивлением посмотрел на Ка-о-миня.

– Что случилось? – спросил я.

– Идём со мной. Настоятель желает видеть тебя.

Волнение захлестнуло меня с головы до пят, но я не показал своего состояния.

Я послушно встал и последовал за привратником. Мы шли по каким-то перекрытиям, затем вдоль галереи; на всякий случай Ка-о-мин протянул мне тёплый халат, потому что в последнее время погода шалила, наступали холода, и в воздухе танцевали первые снежинки, загадочно кружась в воздухе.

Затем мы переходили ещё две галереи. По лестнице мы поднялись в башню. Около входа Ка-о-мин остановил меня и сказал:

– Сейчас я сообщу настоятелю Суню, что мы пришли. Веди себя тихо, не совершай множество бесполезных движений. Когда войдёшь внутрь, поклонись и старайся смотреть в пол, пока г-н Сунь не даст тебе знак поднять голову.

– Знак? – спросил я, – Как я пойму этот знак?

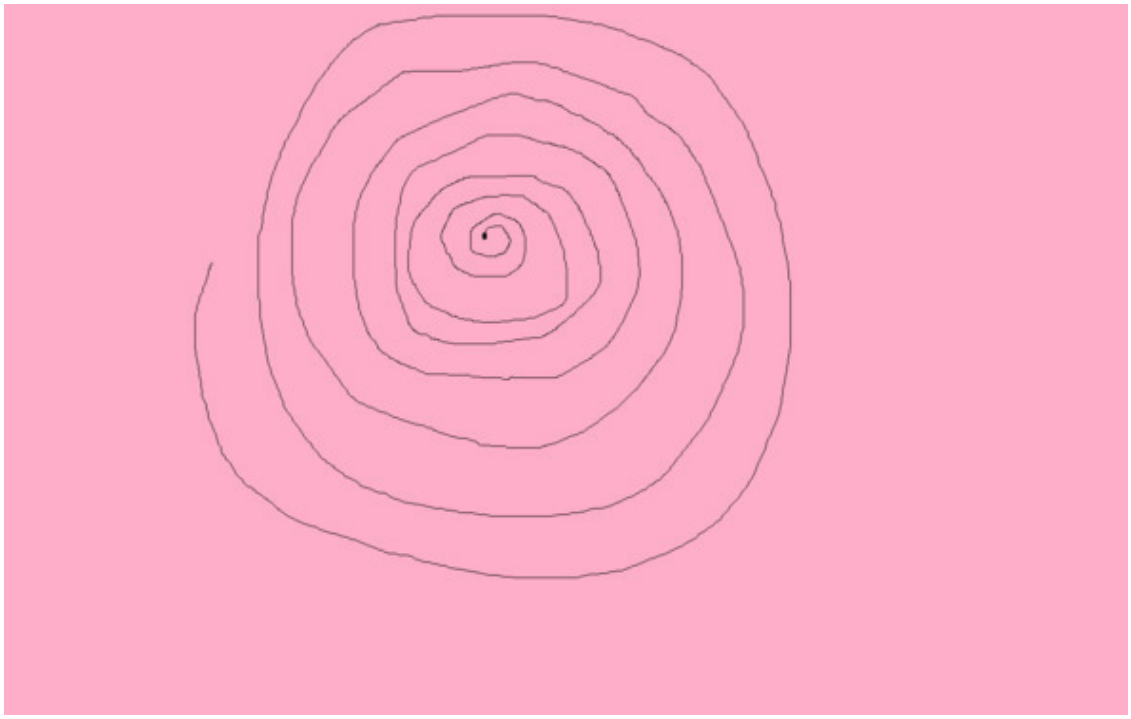
– Не задавай глупых вопросов. Ты поймёшь.

Затем привратник скрылся за дверью, а я остался на лестнице ждать. Холода я не чувствовал, очевидно, из-за волнения. Через некоторое время дверь вновь раскрылась, и я вошёл внутрь по приглашению Ка-о-мина.

В келье настоятеля Шао-линя, г-на Суня, было темно, грела одна единственная лампадка, которая давала слишком мало света. Я увидел на стене один единственный рисунок.

……

Рисунок в келье настоятеля Суня

…..Этот рисунок привлёк моё внимание своей необычностью, загадочностью и тем, что ничего подобного в своей жизни я никогда ещё не видел. Похоже, настоятель Шао-линя, г-н Сунь, сам придерживался какой-то определённой философии, и этот рисунок наиболее полно выражал суть этой философии.

В Китае философия занимает очень важное место в жизни людей. Ты не встретишь ни одного человека, который не придерживался бы какой-то определённой философии.

Именно философия помогает жить, даже если человек не склонен к какой-либо религиозности.

В темноте кельи мне удалось разглядеть лицо настоятеля Суня, который сидел в «позе лотоса» перед миниатюрным лакированным столиком. Это даже был не столик, а, скорее, тумба с красивым нанесённым на него рисунком.

На нём было одеяние монаха такого же шафранового цвета, как и на остальных монахах. На вид ему можно было дать лет сорок или чуть больше того. Самым удивительным было то, что брови этого человека сходились у переносицы. Ни у кого из знакомых мне китайцев я не встречал таких бровей. Возможно, это было каким-то признаком избранности; мы любим всегда искать эти признаки в людях, и, если они вдруг находятся, человек может прославиться и иметь поклонение и почёт со стороны окружающих его людей.

Ка-о-мин поклонился и, перед тем, как выйти из кельи настоятеля, шепнул мне на ухо:

– Не забудь сделать то, о чём я тебя просил.

Я кивнул ему, чтобы он оставался спокоен. Когда дверь за привратником закрылась, от движения воздуха огонь в лампадке задрожал, и мне на мгновение тоже вдруг показалось, что келья настоятеля задрожала.

Здесь было тепло, потому что помимо лампадки была растоплена печь. Поленья в её глубине громко потрескивали, и от подобных звуков мне становилось как-то тепло на душе.

Настоятель был занят перебиранием чёток. Чётки являются хорошим символом; они олицетворяют собой начало и конец Цикла, будь то Цикл Жизни или цикл какого-нибудь дела.

Как говорил Ка-о-мин я не отрывал глаз от пола, я слышал, как настоятель поднялся с подушек и подошёл ко мне. Я впервые услышал его голос, так как он заговорил:

– Ты и есть тот самый Ли Ню-ань из монастыря «Золотой Дракон»?

– Да, моё имя – Ли Ню-ань. Я воспитанник Учителя Циня, и долгие годы прожил в монастыре «Золотой Дракон».

– Ты можешь подняться. Я не люблю всех этих бесполезных церемоний.

Он прошёлся вдоль своей кельи, сел на подушки и предложил мне тоже сесть.

– Слышал об Учителе Цине и очень уважаю его взгляды.

Он посмотрел в ту часть кельи, где был изображён рисунок в виде спирали, и на котором во второй раз остановились мои глаза.

– Что так привлекло твоё внимание? – спросил г-н Сунь, обратившись ко мне.

Я показал на загадочный рисунок в виде мозаики, вставленном в стену.

– Этот рисунок… Что он означает?

– Спираль Жизни, – произнёс настоятель Сунь, – всё в этом мире движется по кругу, затем переходит на следующий виток, но уже значительно преобразовавшись и отличаясь от своего первоначального импульса, а затем на следующий виток и так до бесконечности. Это и есть Вселенская Спираль. На этом рисунке запечатлён Закон и Принцип существования Вселенной от самой маленькой её частицы до самой крупной. Разве Учитель Цинь ничего не говорил тебе об этом?

– Процесс моего обучения ещё не закончен, – ответил я, – я вынужден его продолжить в иных условиях. Так решил мой Учитель.

– Значит, ты ищешь другого наставника?

Я кивнул.

– И каково его имя? – спросил г-н Сунь.

– Он иноземец, индус. Его имя – Сингх, это всё, что мне известно из послания моего Учителя.

Я выглядел дерзким, но всё же задал свой вопрос настоятелю, ибо у меня не было другого выхода.

– Вы знаете, где его искать?

Молчание, которое последовало вслед за моим вопросом, оказалось мучительным для меня.

– В чём же ты хочешь преуспеть, Ли Нюань?

– В философии, медицине. Когда-то в детстве я видел самого Ли Чи-джэня, он лечил мою болезнь по просьбе моего наставника.

– Ли-Чиджэнь…? Он лечил не только тебя, но и самого Императора. Тебе повезло, Ли-Нюань.

Я хотел снова спросить про загадочного индуса, но не решился во второй раз быть настолько дерзким. Настоятель Шао-линя сам заговорил об этом.

– Я слышал об Учителе Сингхе. Он пришёл сюда из Индии, как когда-то приходили до него многие проповедники, такие, как Боддхидхарма и Будда. Индия – духовное сердце земли. Я слышал о том, что доктор Сингх многое знает и лечит такие болезни, которые не поддаются лечению китайскими целителями. Он многому мог бы тебя научить, но он не афиширует себя, живёт в одной из пещер на самой окраине Китая.

– На окраине Китая? – удивился я.

– Говорят, его пещера выходит на сам океан.

– Но почему он не хочет прославить себя, если обладает такими великими знаниями? – спросил я.

– Это говорит о его мудрости. Мудрые никогда не прославляют себя, а живут в скромности и безвестности. Так их связь с Сокровенным не прекращается. Но Учитель Сингх очень избирателен к своим ученикам. Не каждому даётся такая возможность.

– Избирателен к ученикам?

– Да. Считается особой привилегией быть его учеником.

В моём уме почему-то сразу же возник образ самодовольного высокомерного человека. Этот образ не был похож ни на образ Учителя Ноу, Мастера Циня, всех тех, которых я знал раньше и которые долгие годы являлись моими наставниками. Однако несмотря на это, любопытство взяло верх. Я должен был найти этого учителя Сингха, чтобы просто посмотреть на него.

– О чём ты думаешь, Ли Ню-ань? – спросил меня настоятель.

Лампадка в центре его кельи чуть-чуть подрагивала во время нашего разговора, здесь было тепло, и совсем не хотелось уходить отсюда, покидать это тёплое уютное место и идти туда, в холод и начавший моросить бесконечный дождь.

Я пожал плечами, я думал обо всём, но не мог понять, о чём именно. Так бывает, особенно, если ты ещё недостаточно опытен и не можешь определиться в этой жизни.

Мне хотелось вернуться в свой монастырь, но я знал точно, меня там уже никто не ждал. Да и что я скажу своему учителю, когда уйду «по ту сторону жизни и смерти» в положенный мне срок? Я не мог допустить не выполнить то, что он меня просил.

В келью неожиданно вошёл незнакомый мне монах. Он поклонился сначала настоятелю, затем мне и вопросительно посмотрел на настоятеля, г-на Суня.

– Принеси нам чаю и печения, – сказал настоятель.

Монах кивнул и вышел.

– Г-н, почему он поклонился мне? Ведь я – обычный никому не известный монах из другого монастыря? – обратился я к своему уважаемому собеседнику.

– Ты – не обычный человек, Ли-Нюань.

– Почему «необычный»? – удивился я.

– Тот, кто овладел «прыжком леопарда», уже необычен. Этот человек обладает способностями великого воина. Если Императору стало известно о тебе, он ждёт тебя. Если же ты до сих пор не пришёл во дворец, тебя должны разыскивать по всему Китаю.

– Разыскивать?

– Такие люди ценятся на вес золота, потому что их сила может быть очень опасной, если её не контролировать.

Я улыбнулся:

– Я никогда не думал, что могу представлять опасность для своей страны. Именно поэтому Вы не пропускали меня в пределы Шао-линя?

Мне показалось, что настоятель немного смутился.

– Да, я слышал о тебе, потому что слухи в Китае распространяются быстро. Приняв тебя, я мог бы стать в противостояние к интересам Императора Чжу-Ицзюня, который так ценит и любит порядок.

– Для чего же тогда Вы пустили меня сюда? – спросил я, всё-таки набравшись дерзости.

– Я наблюдал за тобой, когда ты провёл эти три дня под тем деревом. Только достаточно сильный духом человек, а также упорный, имеющий какую-то определённую цель в жизни, способен медитировать, невзирая на крайние неудобства его физического тела. Я был заинтересован теми, откуда появился такой человек? Мне передали, что ты из монастыря «Золотой Дракон», который расположен в провинции Сы-чуань. Я слышал раньше об этом монастыре, слышал о тайных практиках, который проходят ученики. Но я – представитель Шао-линя, буду всегда защищать свой монастырь. Я подумал тогда, что мне бы хотелось иметь в стенах своего

монастыря такого монаха, как ты. И потом, я увидел, как ты медленно терял силы. Поэтому я приказал своим монахам доставить тебя сюда и выходить.

Я слушал эту историю и недоумевал о том, неужели всё это говорится обо мне, простом монахе Ли Ню-ане, никакими способностями и заслугами перед империей никогда не отличившемся?

– Что же ты намерен делать дальше, Ли Ню-ань?

Вопрос настоятеля вернул меня из состояния прострации обратно в келью настоятеля.

– Пойду дальше к побережью Жёлтого Океана, чтобы найти индуса Сингха, – не думая, ответил я.

– Значит, ты не передумал, – спокойно сказал настоятель; скорее, это была констатация факта, чем сам вопрос.

– Нет, я не передумал.

– По всем правилам, как истинный подданный своей Империи, я обязан сообщить о тебе Императору. Но я не стану этого делать.

– Почему не станете? – удивился я.

– Потому что у каждого человека – свой выбор. Потому что каждый из нас волен решать, какова будет его судьба. Сообщив Императору о таком воине, как ты, я сам нарушу этот принцип, которого придерживаюсь столько лет. И всё же, я бы предложил тебе остаться в Шао-лине на какое-то время, окрепнуть, набраться мудрости.

– Мудрости?

– Ну, да. Истинный воин должен быть ещё и мудрецом, философом, целителем. В Шао-лине собрана отличная библиотека, и ты найдёшь здесь множество свитков, в том числе, есть ряд свитков по системе «У-Син» (система китайской медицины, говорившая о том, что человек – смесь пяти стихий, дающая понятие о меридианах тела и времени их функционирования в сутках), описывающая, труды самого Ли-Чиджэня (великий китайский фармацевт, живший в 15 – 16 вв.), с которым тебе довелось познакомиться лично, свитки, что писал сам Конфуций и ряд свитков, принадлежавших перу Лао-цзы. Тебе нужно получить знания, прежде чем ты встретишься со своим Учителем. Разве ты не хотел бы получить такие знания?

В это время дверь кельи настоятеля открылась, и вошёл монах. Он принёс нам чай с печеньем. Печенье оказалось необычным, потому что я такого ещё никогда не ел. Я откусил немного и увидел, что внутри загадочного печенья находился совершенно белый, как снег, сладкий крем. В Китае было не принято делать подобные сладости. Г-н Сунь посмотрел на мою реакцию и улыбнулся:

– Тебе нравится, Ли Ню-ань?

Я кивнул:

– Нравится. Не думал, что в строгом Шао-лине допускаются подобные поблажки, расслабляющие тело и делающие его ленивым, – сказал я.

– Верно, – согласился со мной настоятель, г-н Сунь, – такая пища делает тело расслабленным и ленивым. Но это правило действует для тех людей, которые не привыкли придерживаться Срединного Пути, как учит дао. Для тех же, кто следует этим Путём, можно всё, но в меру. Это печенье привозят из Индии для Императора. Но я плачу посыльному, чтобы он доставил сюда совсем маленькую толику этого удивительного печенья.

– И Император не знает об этом? – удивился я.

– Разумеется, нет. Зачем Великому Сыну Дракона знать о таких мелочах?

Мы немного помолчали, обдумывая каждый своё. Затем г-н Сунь вновь заговорил:

– Но у меня есть одно условие, Ли.

– Какое условие?

– Конечно, ты можешь уйти отсюда, когда посчитаешь нужным. Но взамен за полученную в Шао-лине мудрость я хотел бы, чтобы ты обучал моих монахов некоторым боевым тех-

никам, о которых ты узнал в своём монастыре «Золотой Дракон». Я хотел, чтобы ты обучил их «Прыжку Леопарда».

Я пожал плечами:

– «Прыжку Леопарда» невозможно обучиться, просто придерживаясь определённых техник, – сказал я.

– Знаю, Ли Ню-ань, – согласился со мной настоятель, – Ты прав, и я не спорю с тобой. Но попытаться стоит. Ты просто будешь демонстрировать им свои техники. А они – смотреть, наблюдать за тобой. Итак, ты согласен?

– Да.

Несмотря на то, что в монастыре «Золотого Дракона» я изучил множество свитков, но мне не мешало пополнить свои знания, чтобы Учитель Сингх не подумал, что я – безнадёжно глупый китаец.

В Китае знания очень высоко ценятся, это – «тот товар», который не имеет цены.

– Вы когда-нибудь пробовали «чай бессмертия», который привозят Императору из провинции Сычу-ань? – спросил я напоследок, почему-то вспомнив свой разговор со стариком Ни-ценем из той маленькой деревушки, в которой я останавливался на своём пути.

«Чай бессмертия» тогда очень заинтересовал меня. Я увидел, как побледнел настоятель и пожалел о том, что задал свой вопрос.

– Никогда больше никого не спрашивай о «чае бессмертия». Об этом запрещено даже думать, если однажды ты не хочешь лишиться своей головы. Знай также, воин Ли, ты будешь жить некоторое время здесь тайно, иначе я тоже могу лишиться однажды своей головы.

Глава 4

«Жизнь в Шао-лине»

«Тот, кто знает людей, благоразумен,
Знающий себя – просвещён.
Побеждающий людей – силён.
Побеждающий самого себя – могуществен».
(Лао-цзы).
……

……Итак, я остановился в монастыре Шао-линь, чтобы окрепнуть и получить знания в обмен на свой опыт.

Жизнь моя в Шао-лине текла спокойно, размеренно. Я вставал рано утром, когда практически все монахи спали, набираясь сил после целого дня испытаний и тренировок.

Почему я говорю тебе «практически»? Нет, я не был «ранней пташкой», как считали многие, потому что раньше меня вставал повар, которого звали Мон. Это он приносил мне бамбуковую похлёбку, когда я три дня лежал в своей келье и не мог встать.

Мон мне очень понравился тем, что считался добряком, впрочем, все толстяки, как правило, бывают добрыми людьми. Он вставал так рано, чтобы наколоть дров, растопить печи и поставить на огонь огромные котлы. Содержимое котлов служило пищей для всех монахов Шао-линя.

Не сказать, что она была особо изысканной по сравнению с печеньем, предназначенном для Сына Дракона, но монахи никогда не жаждут особых удобств для себя.

Я тоже привык к простой пище и не жаждал всяких изысков, которые иногда по религиозным праздникам каким-то чудесным образом попадали на столы Шао-линя. Обычно это были морепродукты, привезённые из Японии или «ласточкино гнездо», так любимое моими соотечественниками.

Наоборот, я старался несколько дней провести без еды в молитвах и медитациях, как учил меня мой Учитель Мастер Цинь.

Когда ты голоден, информация лучше усваивается тобой, так говорил мне Учитель Ноу, и я много лет пользовался этим приёмом.

Утром в те дни, когда я не применял пост, Мон наливал в мою миску немного бамбуковой похлёбки, когда все остальные монахи ещё спали.

В это время мир, будто, был спокоен и уравновешен, потому что мне казалось, во всём царила гармония. Это было самое лучшее время, чтобы спуститься в подземелье библиотеки и изучать свитки, так интересовавшие меня.

Это было самое лучшее время, чтобы сосредоточиться.

Благо, настоятель дал мне вторые ключи от библиотеки, и я мог входить туда беспрепятственно.

Библиотека монастыря находилась в самом низу, в подвале, так как, во-первых, здесь свитки было удобно сохранять много лет; во-вторых, никто ничего не мог вынести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.